

Денис
Старый

СЛУГА ГОСУДАРЕВ

ЛЕДЯНАЯ ВОЙНА

Денис Старый

Слуга Государев 7. Ледяная война

«Автор»

2026

Старый Д.

Слуга Государев 7. Ледяная война / Д. Старый — «Автор», 2026

Крым наш. Но надолго ли? Разве многое решает только лишь выход в Черное море? С кем торговать, если Османская империя враждебна? Но дело сделано, удержать бы. В России, после низложения патриарха Иоакима, реформы идут полным ходом, встречая сопротивление части боярства. Иезуиты не успокоятся никак... Я, оставаясь наставником государя, пробую вложить в буйную голову Петра Алексеевича нужно, но... Характер царя еще тот... А на севере другой враг России, не одолев которого, рассчитывать на рост не получится. Шведы все еще покупают русское зерно, перепродают его в тридорого, оставляя крохи со своего королевского стола для русской казны. Справедливо? Нет. А русские земли, занятые некогда шведами в момент слабости России, не желают ли вернуться в родную гавань? Ледяная война неизбежна.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Денис Старый

Слуга Государев 7. Ледяная война

Название: Слуга Государев 7. Ледяная война

Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Усадьба Стрельчиных
4 декабря 1683 года

— Командир! Господин генерал-лейтенант! – слышал я сквозь пелену.

Открыл глаза.

— Воды, – попросил я и тут же получил бурдюк с уже затхлой водой.

Выпил, жадно много.

— Воду нужно чаще менять, – сказал я, передавая бурдюк.

Прислушался к своему организму. Вроде не все так плохо. Но крови потерял. Потому и слабость.

Идти самостоятельно я бы и смог, хотя это сильно повредило бы моим ранам. Но лучше, конечно, чтобы меня перенесли на носилках. Геройствовать прямо сейчас не было никакого смысла. Теперь нужно думать о скором выздоровлении, а не о том, чтобы ухудшить своё состояние.

— Ну что, месье, как вам русский генерал? Ни один из ваших финтов не прошёл, — тихо сказал я на немецком, обращаясь к французу.

Говорить было нелегко, но я подумал, что мне нужно хоть немного активности, пусть и только и разговорами, чтобы вновь не уйти в небытие.

— Вы выиграли не клинком, а мужским кулаком, — хриплым голосом отвечал он мне.

— Может расскажите, что да как? Прямо сейчас? Чего ждать пыток? — спрашивал я.

— Уверен, что русские неспособны к тому, чтобы вдумчиво спрашивать, — схаркивая кровь, которая продолжала у него идти носом, отвечал француз.

— Кровь ему остановите, нос вправьте. Ещё не хватало, чтобы сучий потрох истёк и потерял сознание, — сидя на плаще, облокотившись в ближайшее дерево, сказал я.

Усмехнулся, посмотрел на француза...

— Вы не правы, месье. Поверьте, русские тоже знают толк в извращениях. Калёный прут в задний проход когда-нибудь пробовали? Эта экзекуция не убивает, может только слабого лишить рассудка. А иголки под ногти? Вы получите истинное удовольствие. Альтернативой же вам я предлагаю повешение — без пытки. Но только если я пойму, что вы сказали все. А еще... Может и отпущу, – сказал я.

— И что же вы такого хотите от меня узнать? — явно пытаюсь выглядеть мужественным, уверен: француз в своих фантазиях уже примерил и калёный прут в его французском заду, и иголки под ногтями.

Французы — они такие, фантазёры.

— Какое у вас было задание, что вы разведывали для своего короля, что успели передать, кто с вами сотрудничал и при этом знал, что вы являетесь шпионом Людовика. Ну и больше — по мелочи... — сказал я.

Был почти уверен, что француз начнёт петь соловьём, но к моему удивлению он закрылся. Не проронил больше ни одного слова. Наверняка набирался мужества испытать те сладостные минуты пыток, которые я готов ему устроить. Или я только раззадорил этого извращенца? Пообещал блаженство, а тут какие-то разговоры устраиваю.

Меня уже несли домой. Аккуратно, стараясь не растревожить, сразу восемь бойцов тащили большие носилки. Я прямо почувствовал себя Карлом XII. Его под Полтавой, вроде бы, также носили. В иной реальности. Пока что до Карла далековато, но Швеция все еще грозная.

Ощущалось лёгкое недомогание, клонило в сон. Но мой штатный медик, Густав Бергер, отчего-то утверждал, что спать мне как раз-таки и нельзя. Мол, сперва я должен поесть говя-

жьей печёнки с гречкой или даже съесть несколько ложек засахаренной бычьей крови, а уже потом могу и спать — после грамм ста хорошего сухого красного вина.

Не мог с ним не согласиться. Может, потерял и не критично много крови, но восстанавливать её можно только лишь такими способами. К сожалению, но о переливании крови в этом времени думать вовсе не приходится. По крайней мере, уже по тому, что я даже не могу и помыслить, как определить группу крови у человека. А в остальном процедура очень опасная, может быть осуществима только в отношении смертельно больных, которые либо умрут, либо будут иметь шанс всё-таки выжить при лотерее получить совместимую и не заражённую чем-либо кровь.

Да и как это сделать, если нет ни капельниц, ни шприцов... Очень много чего нужно изобрести, чтобы поставить лекарственное дело в России на более высокий уровень. Но подумая-ка я об этом тогда, когда голова не будет моя в тумане. Да и уже думал: несколько трактатов были написаны, правда, я им хода пока не давал.

Прививки вот тестируем с Бергером. Так, пока что на смертниках и что-то у нас не выходит, двое из специально зараженных вроде бы прививкой, умирают.

— Да как же так! — со слезами, причитаниями, обрушившись кулачками на моих телохранителей, кричала Аннушка. — Только что из ложа семейного вышел — уже подбитого везёте! Чему только в усадьбе учитеесь, спать не даёте учениями своими, а всё едино проморгали, бездари, нахлебники. Сучен...

— Анна! – возразил я.

Ну не к лицу ей лаяться скверными словами.

Подумалось, что если бы было возможным поставить её генералом — честное слово, немного подучил бы и сделал бы генерал-майором, чего бы это мне ни стоило. Удивительная женщина, способная оставаться женственной рядом со мной, но с другими — может быть такой жёсткой, что поражаюсь: возможны ли такие перемены в женщине, или же всё-таки не так хорошо знаю любимую. Горячая степная кровь бурлит в Аннушке? Ногаечке моей.

А ещё это было несколько комично наблюдать, учитывая, что Аннушка была небольшого роста. По местным меркам — и вовсе худа. Но как мужики жмутся и теряются от ее напора. Или тут влюбленные в мою жену имеются?

— Да всё со мной нормально, Аннушка. Француз прыткий попался. Но ничего — я его уgomонил, — сказал я. А потом подумал и добавил ближайшему ко мне телохранителю: — Сделаешь так, чтобы Франц Лефорт узнал, что на меня напали сразу трое французов... Трое! Один из них был вот этот, который связан, мастер клинка. И что всех я уgomонил, и что француза сейчас допрашиваю. Скажешь — и смотри, как он кривиться будет. Расскажешь мне после подробно.

Да. С одной стороны, я предполагал, что это Лефорт прислал ко мне этого француза. Конечно, француз мог действовать и сам, возможно, так оно и было: всё же я нанёс немало унижения французской короне. Теперь у Франции будут очень серьёзные проблемы, даже если и русское правительство промолчит и не станет поднимать вопрос о предательстве французов всей антитурецкой коалиции.

И в таком ракурсе убить главный источник информации, то есть меня, было бы даже предпочтительно. Кто его знает, что мы там нашли на корабле и вообще, было ли там что-нибудь. Кого-то другого, рядовых солдат, можно в расчёт особо и не брать. Что взять с бывшего мужичья?

Ну и Людовик тем самым покажет — или не он, а те, кто стоит за его спиной, — что с Францией подобные штучки оборачиваются смертельным исходом для смельчаков, которые готовы бросить вызов французскому белому флагу.

Однако, нужно рассматривать и другие версии, пока француз не споет мне голосом Джо Дассена песню, почему и зачем он сделал то, что сделал. Иезуиты, Лефорт... Кто там еще? Бояре

могут, может не Матвеев, но вот Романову Никите Ивановичу ноги оттоптали, переманивания у него мастеровых к себе на мануфактуры. А еще... османы могут, любые другие недоброжелатели России, шведы. У меня, если так подумать, врагом может быть ну очень много.

Уже через несколько часов после ранения мне стало хуже. Голова кружилась, чувствовал общее недомогание, начинало трясти, поднялась температура. Из-за головокружения пришлось извергнуть из себя все те драгоценные продукты, направленные на повышение гемоглобина, которые съел буквально недавно.

Анна сидела у моего изголовья и меняла смоченное в холодной воде полотенце, укладывая его мне на лоб. В какой-то момент я попросил её перестать рыдать, а то чувствую, что быстрее начинаю уходить на тот свет с каждой её слезинкой, будто бы скользя по дороге в ад. Ну не в раю же меня ожидают.

Так что сейчас — никаких слёз, причитаний. Суровая решительность.

— Я сама хочу спросить с того француза, — заявила мне Анна.

Мне было не так легко говорить, но слово «нет» извергнуть из себя получилось.

А потом я уснул. И не понять сколько спал. Проснулся, но когда открыл глаза, то увидел перед собой самую представительную делегацию, которую только можно придумать в России.

Тут же стоял государь Пётр Алексеевич, патриарх Иасофат, боярин Матвеев. И что больше всего меня удивило — царевна Софья Алексеевна. Да с непокрытой головой. При патриархе? Я что-то не знаю о новом Первосвященнике?

* * *

Варшава.

4 декабря 1683 года

Мария Казимира де Лагранж д'Артуа смотрела на тело мёртвого своего мужа. Марысенка, как её нежно называл не только Яна Сабеский, король польский и супруг женщины, но и каждый, с кем приходилось француженке быть. За свою жизнь была она не мало с кем, да и брак с Сабеским был вторым.

Нет, она не считала себя какой-то излишне развратной женщиной. Просто вела образ жизни ровным счётом такой, как это было принято при дворе Людовика XIV. Нет, даже значительно меньше было страстных любовников, чем практически у любой французской аристократки.

Сложно все же заниматься сторонними любовными связями, если раз в два года рожать.

Женщина стояла у гроба и искренне рыдала, может быть не столько по своему мужу, хотя только сейчас понимала, что испытывала к Яну Сабескому какие-то искренние чувства, которых ранее боялась, но теперь уже поздно о них вспоминать.

Она рыдала, прекрасно осознавая, что её положение как королевы шатнулось. Мария Казимира уже в самом ближайшем времени перестанет быть королевой. Ведь изберут поляки своим королем кого-то на стороне, не родственника де Ланранж, и все... казенная дорога во Францию.

А ещё она впервые за последнее время дала полную волю своим чувствам и рыдала по всему и сразу: не только по погибшему королю, но и по своему ребёнку. Да, по Яну — мальчику, которого она родила, и как только стало понятно, что ребёнок рождён во грехе, то Ян пропал.

Марысенка искала своего сына, но не могла делать это полноценно, так, чтобы знал король. Ведь доброжелатели, которые прекрасно знали, чей же всё-таки сын родился у сорокалетней, но не растерявшей, несмотря на частые роды, ни грамма своей красоты, польской королевы, были на чеку.

Ею, вдовой, сейчас любовались те мужи государственные, которые прибыли на похороны короля. Чернявая, с почти что гладкой кожей, только немного с проступающими морщинами.

Волосы на голове были пышными, без единого седого волоска; её лицо было прекрасно, губы пухлые, женские формы — притягательные для любого мужчины, как это считалось. Она была сильно красивее многих молодых паненок.

И кто-то даже сейчас, демонстрируя вселенскую скорбь, складывал расклады, как бы это утешить вдову.

Но не было на похоронах того, кто единственный мог бы это сделать. Не было Фридриха Августа, того, кто полноценно претендовал на польский престол, как и на Саксонию. Этого большого, звероподобного по характеру, но при этом с тонкими чертами лица молодого жеребца. Неутомимого, такого любовника, которому Мария Казимира так и не смогла найти замену в Польше.

«А ведь он и не знает, что у нас сын», — подумала Марыся.

— Ваше Величество, оскорблю вместе с вами. Господь точно дарует райские кущи вашему супругу, — к вдове подошёл Станислав Нарушевич. — Сложно придумать Польше лучшего короля.

Мария Казимира благоволила иезуитам и церкви, словно бы это помогало ей бороться с сомнениями, прощало грехи. Так что Нарушевичу, иезуитскому генералу в Речи Посполитой, можно было прервать стенания королевы. А более никому.

— Господь забирает у меня лучших, — всхлипывала Мария Казимира.

— Где-то забирает, а где-то, Ваше Величество, и вдруг отдаёт, — философски, но явно с подтекстом и намёком сказал Нарушевич.

— Немедленно говори! Ты же что-то знаешь, то, что знать нужно мне обязательно, — вдруг настроение королевы резко сменилось, будто испарились слёзы, а глаза стали излучать гнев и решительность.

— Я знаю, что случилось с вашим сыном, с Яном...

Женские руки с давно не стриженными ногтями тут же впились в горло Нарушевича. Многие присутствующие в кафедральном соборе Варшавы ахнули. Но никто даже не сделал шага: всем было интересно, что же происходит и чем это закончится. Ну и назревали другие скандалы, куда как более судьбоносные для страны.

А нет, всё же Ян Казимир Сапега было дело поспешил к вдове и священнику, профессору Виленского университета. Но путь ему неожиданно преградил молодой, наполненный решимостью Кароль Станислав Радзивилл.

— Уйди с дороги! — прямо на ухо, склонившись над подростком, прошипел канцлер Великого княжества Литовского Ян Сапега. — Не создавай себе сложностей, юнец.

Но это по сути была провокация. Да, рядом со Станиславом Королём было немало его родственников, которые оказывались клиентами Радзивиллов. Тут же были и главы родов Пацев, Огинские.

И вдруг вокруг одного из Сапег образовался целый круг недоброжелательный.

— Ты оскорбил моего племянника, — сказал Доминик Николай Радзивилл.

— А ты, — обращался Ян Казимир к одному из представителей Радзивиллов. — Ты повода для войны ищешь? Считаешь, что в период безкоролевья появляется возможность для гражданской войны?

— Ты приказывал меня похитить, — голосом, переходящим на крик, сказал Станислав Кароль. — Ты сделал так, что меня похитили, обманом.

— Но вы же все знаете, что это не так. Это русский хочет нас посорить. Московит всё это удумал из-за своего сына, которого искал у меня, — оправдывался Сапега.

И вот это было явной демонстрацией слабости.

В это время Нарушевич шептал на ухо королеве:

— Московит искал своего сына, но нашёл сына твоего: у Сапег в их резиденции в Ружанах.

Только сейчас Мария Казимира ослабила хватку и достала платок, чтобы вытереть кровь, которая сочилась из шеи иезуита из-под ногтей королевы.

— Пошли отсюда. Ты мне подробно обо всём расскажешь, — потребовала Мария Казимира. — И не лги мне.

— Как я могу вашему величеству лгать? — сказал иезуит.

А в это время прямо у гроба Яна Сабеского разгоралась ссора, которая, это было уже очевидно, вот-вот перельётся в полномасштабную войну.

— Ты трус, род твой трусливый, — расплылся молодой Станислав Кароль.

Он был своего рода затравщиком ссоры. Парня накрутили так, что он никак не стеснялся в выражениях. Да и то, что могучие представители великих родов стоят за спиной, придавало молодому Радзивиллу смелости.

Он вдруг вспомнил тот страх, когда его украли, сняли практически с тела одной красотки, которую он позже, когда уже вернулся, неистово... Нет, не любил, он её жёстко имел, да так, что никакого удовольствия девица не получала, только лишь плакала после каждой встречи с подростком, который ассоциировал страхи именно с этой девушкой.

Она потом утопилась, ибо не могла больше терпеть не то что унижение — с этим бы она смирилась, — откровенную боль от всех тех извращений, которые неизменно выдумывал молодой представитель такого рода, которому не отказывают ни в чём.

Между тем Ян Казимир понял, что прямо сейчас может пролиться его кровь и ему пока дают возможность уйти. Он еще и знак подал своим родичам, чтобы те готовились к худшему, ведь в Варшаву Сапеги прибыли сразу с тремя сотнями лучших своих бойцов, в том числе и теми, кто уже вернулся из Священной Римской империи и кто сопровождал тело польского короля.

— Иди, бывший канцлер, — угрожающе сказал Яну Казимиру глава клана Пацев. — Иди и бойся. Подумай и возвращайся с повинной. Может, тогда твоя голова ещё останется на месте. Подумай, что ты отдашь нам из всего, что награбил твой род.

Ян Казимир Сапега гневно окинул глазами всех своих недоброжелателей — многих, большую часть польско-литовских элит, — резко развернулся и пошёл на выход из кафедрального собора.

Другие же, противники, бывшего еще недавно всесильного Яна Сапеги, также направились на выход, стремясь быстрее обсудить план военных действий.

А в это время в небольшой комнатке, в которую иногда могла войти только лишь королева, чтобы там в одиночестве помолиться, Нарушевич рассказывал, где находится сын Марии Казимиры.

— Он у наставника русского царя. И этот подлец украл твоего сына.

— Он знает тайну рождения Яна? — сурово, с решительностью спрашивала женщина.

— Я не знаю, а лгать тебе не буду. Но думаю я, что знает. И, возможно, в Московии решат сыграть эту карту, когда на польский престол саксонца. Ну или кого иного, если в будущей магнатской войне кто-то усилится настолько, чтобы занять престол, — говорил иезуит.

— Моего порочного Августа поставить? Не сильно ли молод? — с большим сожалением, полным женского горя и женской же нереализованности, произнесла француженка, ставшая польской королевой.

— Сказать об этом Августу? — заговорщическим тоном спросил Нарушевич. — О вашем сыне, о том...

И он знал ответ. Даже если королева будет сейчас говорить, что саксонскому правителю не стоит знать о том, что их общий сын теперь находится в Московии, то подспудно она всё равно будет хотеть, чтобы этот могучий молодой жеребец узнал...

И тогда, весьма возможно, он вновь обратит своё внимание на неё. На уже считавшую себя старухой, хотя всё ещё выглядит великой красоты женщиной.

А ведь Марыся так хотела любви! Когда король стал на неё обращать всё меньше внимания, увлекаясь юными особами, она хотела любви. Когда её муж стал приходить к ней в спальню раз в полгода и то не трезвым, она хотела любви.

Как, наверное, каждая женщина, по крайней мере так оправдывала свои чувства и эмоции Мария Казимира: ей нужен был мужчина, тот, который будет рядом с ней и восхищаться ею, любить её страстно.

— Сделай так, чтобы Август узнал. А ещё я положу всё на то, чтобы забрать своего сына. Ты — глава иезуитов в Речи Посполитой. Ты придумаешь, как объяснить, чтобы не пострадала моя честь, что это за ребёнок такой, который вдруг окажется у меня. Ну а тот, кто виноват во всём этом, кто выкрал, — каждый должен умереть. И если я узнаю, что это сделал ты, то ты умрёшь, а орден иезуитов будет изгнан из Речи Посполитой, — сказав это, королева оставила Нарушевича наедине с собой, сама же вышла, чтобы ещё раз показать всем придворным, как она тоскует по своему мужу.

Ведь каждая слезинка, которая сейчас будет литься из глаз вдовы, всё будет впрок, всё направлено на укрепление её положения в стране. Иначе просто придётся возвращаться во Францию, становиться там всего лишь одной из бывших красавиц, привлекая французское общество небылицами и явными фантазиями о польском дворе.

— Всех, кто посмел прикасаться к моему сыну, всех уничтожу, — зло прошептала королева.

А в это время непроизвольно, будто бы слёзные железы жили собственной жизнью, по её щекам обильно текли слёзы. И все видели, насколько же великая любовь была у Марии Казимиры и Яна Сабеского. Так что те, кто всё-таки смог отвлечься от ссоры польско-литовских магнатов, уже втихомолку обсуждали, что, скорее всего, не все слухи о похождениях польской королевы на самом деле являются правдой. Ведь такая любовь!

Глава 2

Усадьба Стрельчиных.

4 декабря 1683 года

— Очнулся... то добре, — басил патриарх. — А то недосуг мне отходные молитвы тебе читать. По святым местам еду. Вот и живи, сколь Господь отмерил.

А первосвященник православный — ещё и с юморком. Между прочим, считаю, что это далеко неплохо. Человек, который может относиться к себе с иронией, умеет шутить, — этот человек менее злобный, и, как по мне, с таким можно договариваться. Будем надеяться.

— Был я в твоей допросной... — задумчиво говорил Пётр Алексеевич. — Катыв у тебя... Нет, разумею я, когда калёным железом пытаться. Но когда палки совать калёные в седалище, да уды прижигать... Сурово. А мне сказывал, что повинно быть милостивым к поверженным.

— Так я-то пригрозил французу, чтобы он и без пыток рассказал мне всё, что нужно. Давеча после худо мне стало, а люди мои посчитали, что негоже мне словами бросаться. Вот и исполнили. И нет, не выгораживаю себя. Считаю, что все верно. Со шпионами и лихими людьми, что крамолу супротив тебя, государь, да царствия твоего умысливают, токмо так и потребно, — сказал я.

— Да и по делам ему. Ишь ты: три года уже в России — и всё шпионит, рассказывает своему Карле Людовику о нас. Вот и про наши штыки рассказал. Нынче французы вооружаться будут также, — с горечью говорил молодой государь. — Не токмо мы со штыками будем.

А я был уверен, что теперь, когда в Европе пребывают в шоковом состоянии от побед русского оружия, обязательно будут анализировать, почему это у нас так все удачно вышло, лапотные жа.

Но явно будут сперва искать причину не в дисциплине, или в новых тактиках. А усматривать какое-то чудо. А если это чудо есть, то это, прежде всего, штыки, если вдруг не догадуются о конусных пулях в штуцерах.

— И слышал, что с Лефортом уговорились вы дуэлировать, так и бы я не гневился на вас в защитном облачении. Так вот: не против этого, кабы вы вдвоём удаль свою показали, но токмо — ещё и учебными шпагами. Оба вы мне нужны. Да и Лефорт нынче с очами, полными страха, ходит. Это ты повелел ему наплести, что одолел аж троих, включая этого француза, который славится в Немецкой слободе своим умением шпагой биться? — я смог проронить только однозначное согласие.

— Рада, что вы, генерал-лейтенант, не покинули наш грешный мир, — тонким женским голоском сказала Софья.

Она и так умеет разговаривать? Меня, конечно, сильно порывало спросить, что же она делает в этой компании, но потом гости дорогие сели прямо возле моей кровати, им принесли скоромную еду — всё же начался Рождественский пост. Хотя Пётр так и смотрел (не с ненавистью) на патриарха. Явно же хотел чего-то другого попробовать, может, и хмельного.

Между прочим, слава о моём поместье, что здесь производят лучшее хлебное вино, а также и солодовое вино, виски, уже бытует в Москве и в Немецкой слободе. Причём, в Москву я не продал ни одной бутылки. Поставки, насколько я это знаю, идут регулярные только в Слободу. Ну и готовимся увеличить объёмы в Голландию, Швецию, пока не рассорились, в Англию.

Так что уверен, что царь мог бы даже нарушить и Рождественский пост, но при этом выпить. Нужно срочно разговаривать с Матвеевым или ещё с кем-нибудь, иначе в таком протестном подростковом возрасте, да с характером Петра Алексеевича, как бы Русь не получила алкоголика.

Нет, нужно разговаривать с Натальей Кирилловной. А то она вовсе забросила своё чадо. Правда, и Пётр этому поспособствовал: напрочь отказывался слушать советы своей матушки, указывая на то, что он, дескать, самоличный государь и вправе решать самостоятельно.

А учитывая то, что самостоятельно он не решал, а опирался на Матвеева и других бояр, то бояре не так уж и стремились встрять в отношения между сыном и матерью, чтобы вразумить Петра Алексеевича. Всё же Наталья Кирилловна имела часто собственное мнение и начинала всё больше перечить Матвееву.

Даже в деле женитьбы. Петру ещё лет мало, а ему уже Наталья Кирилловна подыскала невесту из Лопухиных. Мол, возвращать будем девку, чтобы была доброй государыней в будущем. Ага, чтобы была подвластна Наталье.

Пётр ушёл, а я вызвал Игната. Государь дал мне добро, причём, согласился на то, что я буду эту операцию осуществлять собственными силами, чтобы полностью прошерстить Немецкую слободу на предмет вот таких вот шпионов, как француз.

Как минимум мы должны показать контрразведывательную деятельность. Иначе в самое ближайшее время получим столь массовый наплыв проходимцев и шпионов, что и не отобьёмся. И вообще...

— Дам я добро на Тайную канцелярию, дам... Но кого поставить на нее, подумаю. Тебя? Вот уж не знаю, бояре взбунтуются, коли тебе власти больше дать, – говорил Петр Алексеевич перед уходом. – Взбунтуются жа, а, боярин Матвеев?

— Никак нет, государь, – явно же лукавил Артамон Сергеевич.

Уже сейчас, по тем данным, которые, впрочем, доступны практически всем, массовый приток иностранцев в Россию увеличился как бы не в три раза. Под Новгородом строится Новая немецкая слобода, Новгородская контора – так называется почти что целый новый город. По аналогии, как в средневековье в Новгороде назывались кварталы с немцами. Также новая Немецкая слобода строится и под Тулой. С таким потоком иностранцев может произойти даже перегрев русской экономики.

Способны ли мы принять сразу много иностранцев? По сути — да, но эта работа требует систематизации и особой организованности от нас. Ведь нужно осваивать Урал — вот пусть там будут немецкие слободы. Тем более, учитывая дальние расстояния тех мест, особо опасаться шпионов и не придётся. Это нужно быть самоубийцей, чтобы самостоятельно сбежать с Урала и добраться до Европы.

Так что придется раздувать бюрократию, ибо без особого органа, который бы фиксировал прибытие иностранцев, ставил бы их на учет и распределял, ну никак. Современных служб уже не хватает, тем более, что работают они спустя рукава.

Я думал об отдыхе? Я его получил. И отдых, и заботу, и домашний уют. Нет, работал: просматривал и дополнял так называемый Школьный устав — по сути, одновременно и учебная программа, и описание системы организации учебных заведений, их классификации, штатное расписание.

Именно этим в Преображенском и занимались государь, патриарх, на удивление Софья. Вызвали они и Матвеева, как главного распорядителя государственной казны, чтобы рассчитать, в том числе, и стоимость обучения.

С одной стороны, подобное меня радовало: ведь не обязательно уже во все дела совать свой нос, а достаточно где-то дать импульс, может, что-то подсказать. Да так, ненароком, чтобы не казаться всезнайкой и тем, кто влияет на все процессы в России.

Но с другой стороны, то, что Софья Алексеевна, Пётр Алексеевич, бояре и даже патриарх могут договориться без того, чтобы включить в этот переговорный процесс ещё и меня, — несколько настораживало.

Однако ведь они пришли ко мне с этим документом, чтобы я что-то подсказал. Да, они прибыли из Преображенского сразу, как только узнали о нападении на меня, и вообще думали,

что я собрался помирать, и патриарх готов был причастить меня, а, возможно, даже и постричь в монахи, чтобы ушёл я из этого мира божьим человеком.

А так, может быть, я и узнал бы о готовящемся в Школьном уставе уже постфактум. Теперь же, когда приходил в себя и был под постоянным присмотром лекаря, изучал и надиктовывал свои поправки к этому уставу.

Да, чувствовалась рука патриарха, который главным предметом поставил изучение православия. И без этого никуда. Но хорошо, что немало внимания уделялось и математике.

Единственное, за что я был готов бороться, и в чём была главная критика этого устава: нужно было, по моему мнению, внедрять чёткую метрическую систему. Все эти аршины, локти — это не то, что будет способствовать развитию математики в России.

Тем более, что мне крайне сложно перекладывать и уже имеющиеся у меня знания на те меры длины, веса, которые сейчас есть в России. Или придумать, может вспомнить получится, как это — определить точно метр, сделать эталонный килограмм.

Ведь, если построенный русский корабль будет с точностью до сантиметра подогнан, или даже до миллиметра, то это будет куда как более качественно, чем подгонять под аршины и локти, которые в каждом регионе свои. А порой многое сейчас измеряется чисто на глаз. По-моему сейчас даже голландцы приблизительно строят. Вот... может потому и проиграют англичанам.

— Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты... — диктовал я стихи, когда Аннушка, очень соблазнительно покусывая губы, а порой и высовывая язычок, стремилась угнаться за потоком моих мыслей и записать их на бумагу.

Да, я решил, что неплохо бы в России иметь собственную поэзию. И кому, как не мне, человеку из будущего, задавать тон развития литературы.

При этом я прекрасно понимаю, что плагиат — это не хорошо. Ну, пусть мне какое-нибудь патентное бюро или комиссия по авторским правам предъявит обвинение.

Понимал я и другое, что стихи того же самого Александра Сергеевича Пушкина — это я даю образец для других, своего рода эталон, к которому будут другие стремиться. Она, поэзия Пушкина, явилась своего рода результатом многих изысканий в этой области других людей.

Но нашёл для себя оправдание. Взять того же самого Александра Сергеевича Пушкина или Лермонтова. Если будут красивые стихи, которые станут исходить и от меня, то в России, особенно при развитии образования, уверен, что лет через десять появятся подражатели, которые будут сочинять собственные произведения, ориентируясь на размер и рифму, которую найдут в произведениях, кои я приписываю себе.

Так что куда как быстрее в России появятся новые Пушкины, Грибоедовы или Фонвины. Вряд ли литература достигнет в обозримом будущем того, чтобы появился Достоевский или Толстой. Но лиха беда началом.

— Я тебя люблю, — шмыгая носиком и вытирая слёзы платочком, сказала Анна.

Но стихи, особенно любовная лирика, действовали на ее так, что, по всей видимости, моя жена нарушает одно из правил христианства: не создай себе кумира. И почему бы другим так не воспринимать. Или иностранцам не учить русский язык только для того, чтобы хорошую поэзию познать.

Мы записали ещё несколько стихов, когда Анна, скинув с себя одежду, оставаясь в шёлковой нижней рубашке, прилегла рядом со мной и нежно обняла. Да, близости у нас уже не было пять дней. Хотя я чувствовал, что могу. Но доктор настаивал на своём: воздержаться, вылезать, прийти полностью в норму.

Уже были собраны в главном поместье все приказчики с моих поместий. Уже который день они общались между собой и делились впечатлениями и опытом, а я всё не мог провести это собрание, как и другое, в Стрелецком товариществе. Но зато скоро в России появится поэт — я.

Во время моего лежания прибыл большой обоз — тот, который я сопровождал до Харькова из Крыма, но который опередил на целую неделю.

Поэтому началась кропотливая работа по распределению всего поступившего. Впрочем, что там было распределять, когда мне лишь удалось забрать наиболее важное для меня — серебро, золото и ткани, которые были взяты мной на одной из турецких галер. Теперь уже русской галеры.

А в остальном оставил обоз на попечение Матвеева. Пусть распределяет. Конечно же, он ни себя не обсчитает, ни тех бояр, с которыми я обещал делиться. Ну и государю будет доложено то, что должно быть доложено. Я же — единственное — что подтвердил.

— Делай, Артамон Сергеевич, всё, как ты измыслишь. Но никто не должен быть обижен, и государь должен быть доволен, — сказал я Матвееву, когда передавал бразды управления прибывшим обозом.

Там было, что ещё распределять и чем пополнить казну. Одного оружия и коней было столько, что государь был бы более, чем доволен. В целом, как я уже видел, в Москве даже не предполагают, какие богатые обозы можно набрать, даже если заниматься партизанской деятельностью против турок и подрезать их мелкие обозы.

И это ещё в пути — по слухам, где-то под Киевом — другой обоз, ещё раньше из Австрии и не без проблем добравшийся до русских земель. Вот там было поистине большое богатство. Одних только пушек в Москву везли более ста единиц.

Нужно самое ценное забрать и оттуда. И... пора сильно вложиться в русскую промышленность. Сколько строится заводов на Урале? Три пока. А должно быть тридцать. Вот и займись этим. Пора уже вставать с постели. Отдохнул на год вперед.

Я привстал, когда в мои покои внесли этого получеловека-полуовоща. От спеси француза не осталось следа. Это был глубоко униженный, уже даже не человек. Существо, осознавшее, что обречено либо на мучительную смерть, либо всё равно на смерть, но чуть с меньшими муками.

У каждого человека есть свой болевой порог: если вдумчиво спрашивать, то ответит каждый, или почти каждый. Некоторые могут терпеть до того, что остановится сердце. Но если это пытается неопытный человек — то позволит сердцу остановиться. А если опытный... а если некоторые из моих бойцов специально проходили подготовку. А было дело — даже стажировались в пыточной Следственной комиссии. А там некоторое время было ну очень жарко и в прямом и в переносном смысле.

— Ну что, француз, помогли тебе твои французы, король твой? Понравилось ли русское гостеприимство? — говорил я.

Да, над поверженным противником насмехаться, может, и грех. Ну вот только это лежание в кровати, даже с тем, что у меня самая лучшая в мире жена милосердия, наскучило донельзя. Так, что...

Уже устроил из своей комнаты кабинет и назначаю встречи. Вот, перед тем как отдать Петру Алексеичу француза, хотел на него ещё раз посмотреть.

— Всех ли ты своих подельников сдал? — спросил я.

— Всех, — на выдохе болезненным голосом отвечал мне француз.

Я рассчитывал на то, что будут названы некоторые важные для России фамилии, чтобы исключить крамолу на будущее, выявить явных предателей Отечества. Но ни Франца Лефорта, ни каких-то других видных людей, бояр, названо не было. Он уже не задумываясь готов был и мать родную продать, лишь бы только избавиться хотя бы на несколько минут от мучений. Так что говорил правду.

— Я тебя отпускаю, — ошарашил я француза. — Ты отправишься во Францию и передашь послание государя моего, что Россия не будет рассказывать о том, что корабль французский был взят нами, когда он привез оружие для убийства христиан; не будет чинить каких-

то других неудобств для французской короны. Но только лишь потому, что “по доброй воле” из Франции будут присланы полсотни добрых корабелов. Тайно, чтобы никто не знал. И тогда, как решил мой государь, Россия оставит у себя линейный корабль, но выплатит половину его стоимости. В ином же случае показания капитана корабля, как и других предавших французского короля морских офицеров, мои показания, турки, которых я привёз и которые были свидетелями тех событий и знают о договорённостях с французами о поставках оружия... их свидетельства никто ничего не узнает.

Измождённый пленный явно не верил тому, что его отпускают. Он смотрел затравленным взглядом скорее не на меня, а на двоих дюжих моих людей, которые занимались подготовкой француза к тому, чтобы он «добровольно» рассказал всё, что знал и о чём догадывался. Они стали для него олицетворением абсолютного зла и боли.

— Я сделаю это, только отпусти меня. Я уверен, что монарх мой пойдёт на сделку, — проблеял, как баран, француз.

Вот я не был полностью уверен, что он всё сделает так, как я говорю. Однако у страха глаза велики. Я уверен, что французский король испугается последствий. Может счесть за малое — и прислать пятьдесят корабелов в Россию.

Тем более, хотя я и пробовал царя уговорить, что это не обязательно, но Пётр Алексеевич решил, что выплатит половину стоимости корабля французам. Наверное, сильно припекали Петра Алексеевича те деньги, которые вдруг наполнили казну. Экономить не умеет. Нужно будет дать ему пару уроков с наглядными примерами, как неправильное распоряжение государственными деньгами ставило на край само существование государства.

А ведь это ещё не пришёл большой обоз из Австрии. Однако, кроме того, что было мною награблено, Ромодановский раз в месяц точно отправлял немалые обозы в Москву, где было множество сокровищ и ценностей, которые были взяты в Крыму и с крепостей турок.

Деньги нужно придержать. Кроме промышленности и модернизации сельского хозяйства, нужно строить флот. Да, нету ещё выхода к Балтийскому морю. Однако в Архангельске уже имеются малые верфи, которые можно расширить. Лес же мы второй год сушим, причём по методике, которую ещё не применяют даже в Англии и Франции, вертикально выстраивая брёвна.

В какой-то степени, конечно, не хотел отпускать француза, потому как якобы просвещённая Франция узнает, как мы обходимся с её подданными. С другой же стороны, нужно было и показать, что попытки заслать к нам шпионов могут заканчиваться куда как трагичным образом.

Но ещё нужно было бы кем-то послание передать правящим кругам Франции.

Программа строительства кораблей в России должна быть ещё более мощной, чем была в одной реальности при Петре. Достигнуть этого не так-то легко, придётся, конечно, потратить немалые ресурсы. Но важнее всего в этом деле — это люди, которые будут строить корабли.

Нам нужны опытные корабелы. Французы же, несмотря на то что всё ещё на морях доминируют голландцы и начинают их вытеснять англичане, имеют очень устойчивые и, возможно, лучшие в мире традиции кораблестроения.

Ну и я могу кое-что подсказать: как минимум ту технологию строительства кораблей, которую французы будут апробировать только со второй половины XVIII века, с двумя нахлёстами досок и с увеличенным пространством для проживания офицеров и капитана.

Не то чтобы я стремился улучшить условия жизни для команды корабля. Но если можно хоть как-то, но жить на корабле, как минимум во флот подтянутся все дворяне, которые бы никогда в жизни таких невзгод, что сулит им пребывание на корабле, не выдержали.

Француза увели. По моему распоряжению ему дадут коня, денег на проезд; документы на выезд из России он уже получит прямо при выходе из моего дома. Покажем всем, что не стоит с Россией, и если уж решили посылать шпиона, то пусть будут готовы к тому, что никто с ним

в игры играть не будет: получится, что в не самых лучших европейских традициях будущего из мужчины сделаем недомужа.

Зашла сразу же Анна.

— Аннушка, хорошо, что пришла. Позови, как приедет, Игната. Еще и дядьку Никанора пригласи. И собирай приказчиков. Пора уже им дать наставления, – сказал я, увидел озадаченный взгляд жены. – Да все уже со мной ладно.

Да и к государю пора. А то всякие Лефорты... Вот, еще и этому деятелю учебной, или не очень, шпагой настучать по голове нужно. Пусть знает наших!

От автора:

Топовая на АТ серия про Афганистан и предотвращение развала СССР! Погибший на задании офицер спецназа получает второй шанс...Он меняет историю Советского Союза, заканчивает Афганскую войну. СКИДКИ: <https://author.today/work/358750>

Глава 3

Окрестности Вены.

6 декабря 1683 года

Высокий, не обремененный лишним весом, подтянутый, облаченный в доспехи прошлой войны, скорее Тридцатилетней, немолодой мужчина, но с амбициями юнца, восседал на мощном жеребце.

Он боролся с желанием съежиться от холода, или даже укутаться в шубу. Было холодно, но мужчина считал такое поведение, когда он станет прятаться в меха, проявлением слабости. А еще и от стальной кирасы тянуло холодом, хотя то, за чем наблюдал этот мужчина, можно было назвать “жарой”. Очень жарко приходилось у Вены, но прежде всего внутри города.

Патрик Гордон прильнул к зрительной трубе, глядясь в клубящиеся дымы на горизонте. Грандиозное сражение, которого так долго избегали обе стороны, наконец развернулось во всю мощь. Грохот канонады, лязг металла, крики команд и предсмертные стоны — всё это сливалось в единый, оглушающий гул битвы, от которого, казалось, дрожала сама земля под ногами.

Правда из всей какофонии войны до Гордона, как и до всех русских войск доносились лишь выстрелы орудий и гром от разрывов бомб. Но генерал-лейтенант бывал в сражениях, знал, как это бывает, воображение дорисовывало картину происходящего.

Рассудительный и во многом осторожный командующий русским корпусом, Гордон всё ещё медлил с вводом своих войск в бой ради спасения Вены. Сомневался, не знал, как лучше. А нужно, чтобы было лучше, чем у всех остальных.

Высокая конкуренция в командном составе русской армии, внезапно обострившаяся в последний год, требовала от него недюжинной осторожности. Одно неверное решение — и лучшие из лучших бойцов, прошедшие обучение в Преображенском военном городке, могут сгинуть в бессмысленных атаках.

Патрик Гордон перебирал в голове имена офицеров, чьи амбиции сейчас могли сыграть против него: молодой и дерзкий князь Долгоруков, опытный, но завистливый полковник фон Штейн, даже сам генерал-лейтенант Стрельчин, чьё стремительное возвышение вызывало у Гордона смешанные чувства. Шотландец посмотрел на генерала Глебова. И этот тоже конкурент. Даже пришлось подчиняться по отдельному приказу фельдмаршала Ромодановского.

«Если я ошибусь, — думал Гордон, — они не упустят шанса доложить в Москву о моей некомпетентности. А там и до отзыва недалеко... А я хочу имя себе заработать, да уехать из России куда-нибудь, может и в Швецию»

Но было и ещё одно чувство, бушевавшее шотландца на русской службе. Несмотря на свои годы, Патрик Гордон порой вёл себя как пылкий юноша. Он завидовал чужим успехам — но не чёрной завистью, не с желанием зла соперникам.

Нет, его зависть была сродни азарту: она подстёгивала его, заставляла искать новые тактики, разгадывать секрет дерзких и эффективных действий молодой военной поросли России. В конце концов, он оказался здесь, в Австрии, во многом из-за своей ревности к успехам генерал-лейтенанта Егора Ивановича Стрельчина. Ну и новшества... Гордон считал, что должен лично увидеть выгоду шты

ков, чтобы куда бы он дальше не направился служить, был востребованным и приносил новые тактики. Так и платить будут больше и славу сдобудет.

«Стрельчин... — мелькнуло в голове у Гордона. — Всего два года назад был десятником, потом резко стал полковником, а теперь уже генерал-лейтенант, любимчик царя. И вот он уже под Веной, ведёт переговоры с самим Евгением Савойским... А я всё ещё топчусь на месте, хотя опыт мой куда больше! Хорошо, что уехал, не сработались бы»

Еще раз взглянув в зрительную трубу Гордон задумался.

— Что ты сказать, друже Глебов? — обратился Гордон на русском к генерал-майору Никите Даниловичу Глебову, стараясь скрыть раздражение в голосе.

«Друг ли он мне?» — мелькнуло в голове у Гордона.

За время переходов они нашли общий язык, распределили обязанности, даже несколько раз ужинали вместе, не без чарки вина. Но оба понимали: их союз — дело сугубо военное. Еще и ревностное, так как и Глебов рассчитывал стать таким вот Стрельчиным, пусть замещая одного. Сам жаждал отличиться. А то выходит, что если будут великие победы, то все Гордону достанется.

Глебов почесал щетину на щеке, мысленно отмечая, что неплохо бы побриться — мода на опрятность среди высшего офицерства крепла. Да и перед венскими дамами хотелось предстать достойно. Он представил, как после победы войдёт в город — в начищенных сапогах, с орденской лентой через плечо, и дамы будут бросать ему цветы...

— Не можем мы бить прямо. Турки зело числом превеликим, — сказал Глебов и вновь стал разглаживать свою щетину.

Но мысли о внешнем виде лишь маскировали его нерешительность: он сам не знал, как лучше поступить. В голове крутились цифры: 8 000 кавалерии, из которой 3 000 нагайцев, 2 000 казаков, элитные тяжелые конные — стременные. Был полк и поместной конницы, но такой, из которого собирались сделать драгунов, да уже и делали.

«Хватит ли этого? — размышлял он. — Турки численно превосходят нас даже конными в пять раз, а укрепления их крепки, траншей накопили. Если бить, то только лишь в сторону, не на город».

— Мы можем действовать только из засады, — наконец произнёс Глебов, тщательно подбирая слова. — Мы хоть и обнаружены, но наши силы противнику неясны. Если не пойдём в бой сразу, сможем изобразить слабость. Пусть думают, что мы слабы, тогда осмелеют, растянут строй... и вот тогда-то мы ударим! И нет... нужно ударить, вывести турку под тачанки картечные и пушки. А до поры прятать их линией пехотной.

— Как это есть по-русски? Ты думать со своя колокольня, яко кавалерия, — возразил Гордон, нервно постукивая пальцами по эфесу шпаги. — Если не выйти сейчас, не построю войска в линия. И как тогда бить? Турки многия, но если увязнуть — мы смерть. А промедлить, то Вена падёт, и вся кампания пойти этим... прахом!

Гордон стиснул зубы. Он уже осознал свою ошибку: не стоило отправлять столько метких стрелков с штуцерами на диверсии против коммуникаций османов. Вообще не стоило никого отправлять, ослабляя корпус.

Три недели назад, сидя на форпосте Русский, он считал, что придётся перезимовать здесь, без активных действий. Усиление русских летучих отрядов, действующих на коммуникациях турок, а еще и разжигающих пожар сопротивления у сербов и болгар... Это казалось лучшим использованием передышки.

Турки уже ощутимо испытывали проблемы со снабжением — окрестности Вены были разорены, а перехваты обозов оставляли войско визиря на голодном пайке. Так что и собрать еду было не из кого, все же император прочно держал переправы через Дунай, где начинались земли, еще не подвергшиеся разграблению

— Мы отрезали им хлеб, — говорил часто сам себе Гордон. — Но забыли, что голодный зверь опаснее сытого. Теперь они бьются отчаянно, зная, что отступать некуда...

Теперь же в распоряжении Гордона оставалась лишь сотня штуцерников — капля в море разгорающегося сражения. Он мысленно проклинал свою недалекость: «Надо было оставить больше стрелков при корпусе. Но кто же знал, что всё так быстро развернётся?»

— Ждём, — вынес вердикт командующий, с трудом сдерживая досаду.

Из леса было не видно, что творится на улицах Вены, но разведка докладывала дважды в день: бои идут ожесточённые, часто переходя в рукопашные схватки.

Император привёл своё войско, но турки возвели заградительные укрепления, и лишь части объединённого христианского войска удалось прорваться к Евгению Савойскому, который после гибели и ранений других командиров принял командование союзными силами и стал комендантом Вены. Той части города, которая еще находилась в руках христианского воинства, меньшей части столицы Австрии.

— Нас назовут трусами, — несмело возразил Глебов, глядя на своего командира с едва скрываемым вызовом. — Только наблюдаем, как сражаются союзники. Это неправильно. Наши казаки рвутся в бой, да и нагайцы недовольны — говорят, что русские боятся идти вперёд. А отряд союзных крымских татар и дорошенковцев? Того и гляди, что бунтовать будут.

— Что есть такой войско, что бунтовать? — возмутился Гордон.

Но он уже принимал решения. На самом деле, Патрик сильно удивлялся тому, как дерзко, смело, неожиданно, начала действовать русская армия. Ведь во время Чигиринских походом именно шотландец выглядел таким вот, дерзким смельчаком. А теперь что?

Пока Гордон решался, Никита Данилович рвался в бой. Ему было мало того, что крымско-турецкий корпус уже пытался атаковать русский форпост — и отступил, не сумев действовать в лесу. Тогда сражение закончилось, едва начавшись: меткие стрелки из крепости, словно назойливых мух, отогнали противника.

Глебову нужно было проверить своих молодцов, свою конную дивизию. Он же ее пестовал, пополнения прибыли такие, что еще не воевали, но выучены хорошо. Глебов хотел славы, трофеев, признания.

— Хорошо, — наконец решился Гордон, с трудом выдавливая из себя эти слова. — Я позволять вам произвести атак, но по дуга вы вернётесь обратно. Не ввязывайтесь в бой: ударьте копь, развернитесь и назад. И ни шагу дальше!

Внутри него бушевали противоречивые мысли. С одной стороны, он так же жаждал славы, мечтал вписать своё имя в европейскую военную летопись, чтобы рассчитывать на службу в Священной Римской империи и повышение в чине. Он представлял, как его портрет повесят в залах Вены рядом с портретами других героев, как о нём будут писать в итальянских газетах...

С другой — бездарно положить часть своих войск без шанса на подкрепление в будущем было слишком большим риском. «Если потеряю треть кавалерии, — размышлял Гордон, — то уже не смогу угрожать коммуникациям турок. А без этого вся стратегия рухнет...»

Глебов кивнул и поспешил готовить конную дивизию к выходу. Восемь тысяч кавалерии — из них три тысячи нагайцев, две тысячи казаков на флангах и остальное — элитные русские всадники, чьи доспехи теперь почти не отличались от польских крылатых гусар. Глебов рассчитывал, что это зрелище встревожит турок, ослабит их натиск на Вену и заставит выделить силы против русского корпуса.

Но Глебов решил действовать на свой страх и риск. Он включил в атаку всех метких стрелков корпуса — в том числе две сотни конных штуцерников, умевших стрелять на триста шагов и дальше, перезаряжать винтовки прямо в седле. Гордон не знал об этом резерве или не придавал ему значения — мысль о конных штуцерниках казалась невысказанной.

Земля содрогнулась — не только от разрывов бомб, которыми турки закидывали Вену, но и от топота тысяч копыт. Впереди виднелся жидкий заслон османской пехоты — всего шесть пушек, небрежно расставленных на холме. В трёх верстах стояли полки сипахов, ожидавшие приказа, пока не способные вмешаться в сражение. Но вызвать их и увлечь в ложное отступление — это еще одна цель конного рейда.

У Глебова было немного времени — и он собирался использовать его максимально выгодно. Он махнул рукой, подавая сигнал к атаке, и первые ряды кавалерии, сверкая сталью, ринулись вперед...

Кони, собранные в основном из трофеев, — отборные животные — несли на своих спинах русских всадников, готовых показать свою силу и удачу. Притороченные к седлам конструкции, украшенные перьями, дополняли шум: ржание коней, выкрики команд офицеров, цоканье копыт по каменистой земле.

Будучи всего лишь в ста шагах от турок, первая линия русской тяжелой кавалерии, перейдя в галоп, мощно ударила по заградительному отряду противника. Выстрелы в сторону русских всадников раздавались, но были редкими, словно бы ленивыми.

Выстрелить успели лишь три пушки, которые всё же нанесли немалый урон, но не настолько критический, чтобы хоть как-то серьезно замедлить атаку русской тяжелой кавалерии.

А ещё до этого, впереди всей этой конной армады, шли русские стрелки. Они с расстояния, когда турки ещё даже не выставили в сторону угрозы свои ружья, расстреливали османский заградительный отряд. Прежде всего русские стрелки старались выбить начавшую суетиться артиллерийскую прислугу врага.

Пройдя первую линию, по сути заслон, и уничтожив с ходу не менее полторы тысячи турок, Глебов сожалел лишь о том, что часть его конных в этой атаке лишилась главного убойного оружия тяжелой кавалерии — длинных пик. Они были очень эффективны, но лишь для первого удара, после которого почти гарантированно ломались. И теперь русская кавалерия летела в сторону Вены частью без этого оружия победы.

Турки не ожидали столь стремительного конного удара. Может быть, их разведка донесла, что русские в основном используют пехоту, или же имела место халатность — уверенность в том, что, если на поле боя перед южными воротами Вены визирь смог собрать подавляющее по числу воинов войско, то русские просто не решатся на самоубийственную атаку.

Вышедшие чуть с запозданием, но быстро нагнавшие русских тяжелых конных, по флангам шли конные казаки и ногайцы. У них свои задачи, не менее важные. Они оттягивали вражеские силы, увлекая всех в сторону леса. А там, на опушке, уже выстраивал в линию русскую пехоту генерал-лейтенант Гордон. И линия эта вышла так, чтобы загоразживать артиллерию, уже готовящуюся к мощному залпу.

Казаки, ударив по численно превосходящим сипахам в тот момент, когда те только готовились к началу атаки, вынудили тяжелую турецкую конницу последовать за русскими нерегулярными войсками.

Несмотря на то, что турки сами ранее нередко использовали обманные манёвры и ложное отступление, в этот раз они купились. Ведь когда сражаешься против врага, который подобными тактикам не обучен или считает за бесчестие их использовать, начинаешь думать, что все твои враги таковы. Не способные.

Эти сипахи еще не встречались с русским коварством. Не знали они и о том, что случилось в Стамбуле. Вернее знали только то, что что-то случилось и все. Были уверены, что каверзы не будет. Ну и что если русский воин бежит, то он именно что убегает, а не увлекает. Ну не татарин же. И вопросы чести, опять же.

Вот только казакам было не зазорно загнать в засаду османских конных — для станичников это даже считалось честью.

Старшина Акулов выбрал именно сипахов для своей атаки — конечно, предварительно согласовав её с Глебовым. Всё самое ценное было у этих турецких конных. А старшина Акулов слыл чуть ли не главным поставщиком всего ценного на Дон.

С очередным обозом он собирался уйти к себе домой, чтобы попытаться решить вопрос и стать даже полноправным атаманом Войска Донского. А для этого нужно было показать каза-

кам, кто же на самом деле удачлив, кого любит Бог и кто может изрядно улучшить благосостояние казаков.

Сипахи ринулись вдогонку. Некоторые из них, умевшие хорошо стрелять из луков, пускали стрелы в спины станичников. Уже не менее двух сотен казаков были ранены или убиты.

Гордон, наблюдая за всем происходящим, был готов дать залп из картечниц, называемых русскими тачанками, и полевых небольших пушек. Руки его подрагивали, пальцы отбивали ритм на эфесе шпаги.

Вот они, казаки, вот поступила команда русской линии отойти на пятьдесят шагов в лес. Стать там и приготовиться к залпам. А впереди оказывалась артиллерия. Тревога... успеют ли, не придется ли бить, задевая союзников. И тут... казаки рванули в стороны, выжимая из своих коней последние силы.

Вдруг перед русской артиллерией, пехотой, а также выставленными вперёд тачанками появилась просто отличная мишень.

— Бей, бей! — кричал Гордон, но его не могли услышать на передовой.

Впрочем, все было согласовано и войско действовало без проволочек..

— Бабах-бах! — ударили картечницы и пушки.

Тут же фургоны подцепили к лошадям и погнали прочь, освобождая сектор для стрельбы линейной пехоты.

Русские пехотинцы были построены не лучшим образом — так, что европейцы могли бы посмеяться. На флангах и вовсе наблюдалось скопление стрельцов, не имевших чёткого построения. Но сейчас это играло уже не такую существенную роль. А вот то, что удалось собрать немалое число фузелеров, — это было главным.

Множество выстрелов со стороны трёхтысячной русской линии выкосило не только первые ряды турецкой конницы, но и внесло хаос и неразбериху в ряды наступавших турок. Это давало возможность быстро перезарядиться, но огонь не прекращался: одна линия отходила на два шага назад, пропуская вперёд других стрелков.

Тактика эта, старая — ещё использовавшаяся в начале нынешнего столетия и уже уходящая в прошлое, — сейчас действовала. А другую тактику, учитывая, что Гордон привёл с собой ещё не обученных линейному строю стрельцов, он использовать не мог.

— Бабах, бах, бах! — взрывались заложенные фугасы.

Их приказали поджигать ещё до того момента, как казаки подошли к опушке леса. И хорошо, что станичники всё-таки разошлись в стороны и по большей части не понесли урона от дружественного огня. Разгром сипахов был абсолютный. И тут еще выскочили конные сотни союзных татар и завершали разгром. Развернулись казаки и обрушились на остатки сипахов с фланга.

А в это время Глебов уже подходил к османским тылам. Нет, ему нельзя было прорываться дальше, к самому городу, так как на подходе к стенам турки выкопали огромное количество траншей и ям — пройти конным было просто невозможно.

А вот охраняемые пятнадцатитысячным корпусом резервной пехоты турок обозы — вот это и был главный приз, цель Глебова.

— Бабах-бах-бах! — турки открыли огонь из своих ружей. Плотность огня была невелика уже потому, что это не была чёткая линия и залпов не получалось. Разлёт пуль был немалый, а броня тяжёлых конных выдерживала большую часть попаданий.

И пушек тут не было — вся артиллерия была направлена в сторону крепостных стен Вены.

Привстав в стременах, нахмутив брови и прищурившись, Глебов направил свою пику на одного из турецких офицеров, которого определил своей целью на подходе к турецкому корпусу.

Удар... Пика разлетается в клочья, но её наконечник остаётся в груди турецкого офицера — какого-то важного, с изрядной долей лишнего веса.

Врубившись в столпотворение турок, которые так и не успели организовать должный отпор, русская кавалерия — стремянная дивизия — начала расстреливать из пистолетов всех тех османов, которые попадались на пути.

Некоторое время кони тараном сшибали появившихся на пути турок, другие же лошади топтали их своими копытами. Но у турок всё ещё было численное преимущество — даже здесь, вдали от главных событий, где располагались турецкие обозы.

Вот только динамика удара была такова, что численно меньшее количество русских всадников показалось для многих турок неисчислимым — будто бы не двадцатью тысячами.

Турки побежали, оставляя свои обозы. Глебов смотрел по сторонам и не верил в то, что видит: они бегут!

На приказ генерал-майор получил однозначный: ударить и тут же, стараясь не потерять динамики хода, по дуге уйти в лес.

— Да пусть хоть расстреляют али повесят! — выкрикнул Глебов, после чего отдал приказ жечь все турецкие телеги, которые стояли без запряжённых коней и волов, а другие — тянуть в лес.

Некоторые русские конные, тут же последовав приказу, прекратили преследование бегущего врага, спешили, моментально переквалифицировавшись в обозников, угоняя, что можно. Другие стремянные доставали из седельных сумок кресало, чтобы иметь возможность сжечь часть обоза, которую увезти было невозможно.

В это время визирь или кто-то из других турецких военачальников заметил угрозу, и вдали, в двух верстах, начала готовиться к атаке татарская конница.

— Уходим! Нужно хоть как-то задержать татар! — командовал Глебов.

Едва ли десятую часть всего обоза удалось захватить, ещё примерно десятую часть — нахрапом, подгоняя коней, отвозить в сторону леса.

Глебов развернулся и с большим сожалением посмотрел на то, что уничтожить весь турецкий обоз у него никак не получается. Но ведь до этого и не было подобной задачи. А если он хоть немного замешкается, то придётся втягиваться в бой — и тогда был большой риск потерять малое количество своих бойцов.

Между тем сипахи, встретив стену огня и потеряв немало своих после фугасов, разворачивались и, словно побитые собаки, возвращались. Лишь десятая их часть.

«Пока этого хватит», — размышлял Гордон, прикидывая, наказать или похвалить Глебова за проявленную инициативу.

С одной стороны, то, что сделал... генерал-майор Никита Данилович Глебов сделал, — это серьёзное подспорье для союзников, которое обязательно даст ещё немного шансов на сопротивление и не позволит сдать Вену.

С другой стороны, Гордон привык к тому, чтобы его приказы исполнялись в точности. Он ценил дисциплину превыше всего — и даже успех, достигнутый не по плану, вызывал у него смешанные чувства.

Русская линия простояла ещё некоторое время, вынуждая турок собрать силы и вывести часть своих войск из столицы Австрии. Но новой атаки со стороны русского корпуса больше не последовало.

Турки не стали продвигаться в сторону леса — прекрасно понимая, что их ждёт засада и какие-то новые каверзы этих несносных русских. Татары, которые было дело начали разбег, словно бы передумали нападать на русских крылатых тяжелых конных.

Подобная пауза в активных действиях позволила Евгению Савойскому, который с самого начала сражался в первых рядах на улицах Вены, собрать остатки — уже жалкие остатки — защитников города. Ему нужно было организовать вывод отрядов к Дунаю, обеспечить пере-

праву на другой берег. Больше обороняться в Вене было просто нечем. Потери ужасные, пороха нет. Так что и горожане и войска покидали столицу. Чтобы вернуться туда по весне.

От автора:

Он погиб, спасая детей от пожара, а очнулся в 1916 году. В эпохе на краю революции и гражданской войны. До революции - несколько месяцев, а до справедливости - один шаг...
<https://author.today/reader/547266/5166328>

Глава 4

Усадьба Стрельчиных.

13 декабря 1683 год.

Удар. Уклоняюсь. Мимо пролетает кулак. Тут же сокращаю дистанцию, намереваясь пробить хуком справа. Соперник неожиданно смещается вправо от меня, бьет ногой мне в живот. Пропускаю удар. Неприятно, но пока в строю. Второй удар ногой у него не проходит. Я ловлю ногу соперника, собираюсь подсечь опорную и закончить, наконец, этот танец. Уже приноравливаюсь...

— Бам! – мне в голову прилетает мощный удар ногой.

Соперник подпрыгнул, выкрутился и с разворота, в лучших традициях постановочных драк из боевиков, вклеил мне так, что я пошатнулся.

— Закончили! – тут же прокричал инструктор, или матер безружного боя.

— А-а-а! – закричал победитель поединка, вставая с матов.

Стою такой... Мда... Даже в тренировочном бою, даже после ранения и не до конца пришедшим в себя... Все равно обидно, черт возьми. Очень.

Особенно, что боец, младший мастер безружного боя, Глеб, тот самый мой адъютант, не стесняется, радуется. И его поздравляют все, даже старший мастер, уже дважды победитель московского турнира кулачников, и тот не в силах скрыть радость.

За меня, стало быть, никто и не болел. Или нет... Параска опять спряталась на опушке леса перед тренировочной площадкой для безружного боя и все наблюдает. Может, заметит этого парня, который меня одолел, да перестанет уже сохнуть по мне. Жалко девку.

Я бы ее уже и погнал бы, да такая красотка, при том, что сирота, что... Жалко. А жена уже и ревновать начала. Найду какого доброго парня Парасковье Никитишне, да замуж выдам. Вот тогда и успокоюсь. Ну и такими, на самом деле, справными слугами не разбрасываются.

Да она и грамоту сама выучила, считать научилась, какие-то книжки читает и пробует ладить с немолодым медиком Бергером, помогая ему врачевать, ну и учит немецкий язык с его помощью.

А все почему? Потому что я дур не перевариваю, а хочу только умницу и разумницу видеть рядом с собой. Такие что ли у нее мысли? Так у меня уже есть, комплект, так сказать, а запаски в конструкции семейных отношений как-то не предусмотрено.

— Добре... Сколько там награда? – спросил я Касима, старшего мастера бузружного боя.

— Сто двадцать рублей, – сказал инструктор-рукопашник и у него, как и у других, глаза на лоб полезли.

Много, очень много, оказывается, уже стоит меня побить. А ведь перед боем я ложу два рубля в копилку и тот, кто хочет одолеть и сорвать джекпот не менее рубля приносит за право сразиться со мной. И вот оно как, сто двадцать рублей. Задача... сколько же я уже провел подобных поединков? Много. Правда, больше всего прошлой зимой, тогда сильно тренировались и я науку рукопашного боя давал, себя не жалея.

И впервые меня отмутузили. Еще и Глеб... Тут бы чтобы не повредил этот поединок нашей работе. Все же он подчиненный, адъютант, и хотелось бы, чтобы субординация была.

— Касим! Ко мне иди! – повелел я, когда веселье немного успокоилось и бойцы отправились на пробежку.

— Твой превосходство...

— "Ваше превосходительство" нужно говорить. Но тебе, если никого рядом нет, можно и "твой превосходство", – усмехнулся я. – Рассказывай про новое пополнение.

Я никогда не имел предрассудка, что народы, населяющие Россию, чем-то слабее русских, как-то сильно отличаются, не несут в себе силу русской земли.

Нет. У нас земля такая, что, кто на ней живет, особым духом наполняется, вне зависимости от разреза глаз и даже цвета кожи. Сам наполняется, добавляет своего характера и уже начинает подпитывать Русскую Землю.

Хотя и не представляю, какой бы ужас был у людей, если бы я привез в Россию с десяток представителей негроидной расы. Хочется посмотреть. Да и как показывала история, были эфиопы, который сыграли очень видную роль в истории России. Ну пусть один, Ганнибал, давший в потомстве внука Александра Сергеевича Пушкина.

И Касим, казанский татарин, становится очень важным человеком в системе подготовки бойцов. И нашим, радеющим за Россию открыто и всей своей немалой душой. И я его продвигаю. Вот, уже и офицерское звание собираюсь выбить. А то тренирует тех, кто по факту обучения в школе имеет уже звание сержанта, готов пройти курсы прапорщиков. А сам Касим так и может остаться лишь... Касимом.

Так вот, он появился в моем отряде год назад. Победил тогда татарин на Московском турнире по кулачным боям. Неожиданно. А ведь я ставил на своего бойца и прилично же ставил. Был зол, что что не получилось заработать.

А после пригласил татарина в свое воинство. Он пошел. Многие, на самом деле, пошли бы, так как плачу я исправно. Тут же и одежда и кормежка хорошая. Я же понимаю насколько важно правильно и сытно питаться солдату. Это же сила, мощь, да и все остальное. Пришел Касим и... Только что чуть не выкачал меня в снегу. Насилу с ним справился. А вот другие... Тех да, повалял. На пятом сопернике только выдохся.

— Где же научился так? – спрашивал я его, обращая внимание не на борьбу, а на ударную технику.

Пожимает плечами.

— Так дед умел, меня учил.

И потом я его подучивал тому, что сам знаю. Так вот... С Касимом я при посторонних не дерусь. Зачем? Ведь каждую третью схватку я ему проигрываю. Но это же и хорошо. Соперника нашел себе достойного. Значит и сам рядом с ними буду расти.

Еще он моментально, ведь талантлив чертяка, усвоил и курс подрывника, разведчика... Все усвоил, даже меткую стрельбу из винтовки.

Осталось грамоте подучить, языкам, да и вот он... Первый гвардейский офицер-татарин. Наверное, ибо веру сменить Касим категорически против. А я хотел бы, чтобы представители других народов видели, что в России работают социальные лифты. Тогда и люди лояльнее к власти станут относиться, и среди инородцев опору сыщем.

Пошел домой. Старался ступать гордо, как победитель, но казалось, что все смотрят на меня, украдкой... “Акела промахнулся” – кажется словами из сказки про Тарзана все шепчут.

Но пообедал... Успокоился. И делами занимался уже в нормальном состоянии духа. Первым у меня появился Игнат.

Он влетел, как вихрь. Такой вот... подтянутый за пятьдесят лет, но энергичный, как двадцатилетний, да и то не каждый.

Игнат был бодр и весел. Не уточнял, откуда у него, почему. Улыбается, счастьем пышет. Что? Власть получил в свои руки? Бояре даже не смели одернуть Игната, когда он шерстил Немецкую слободу, и не только, на предмет шпионов.

— Как дите малое ты, Игнат, – усмехнулся я, вилок отламывая торт из слоеного теста, по типу такого, как в будущем лакомство называли “Наполеон”. – Ну зачем же выстраивал людей и требовал от них покорности? Анкеты эти... Сколько гербовой печати потрачено?

— Почитай тысячу рублей заработал для казны державы нашей на гербовых листах, – гордо заявил Игнат.

— Не надо так больше, – сказал я, не особо осуждая.

По сути ведь, Игнат провел перепись населения в Немецкой слободе. И это нужно делать чаще. Ну как они попадают на Кукуй? Ведь нужна что-то вроде регистрации иноземца по прибытии. Но... Оказалось, что численность народонаселения в Кукуе увеличилась на процентов тридцать. Кто такие? Почему не знаем? Вот... узнали.

— Шпионов-то нашел, дядька Игнат? – улыбался я, уплетая торт.

Вообще сладкое ем редко, потому что сахар не дешевый. Однако, уже как полгода, в доме живут и учатся сразу десяток поваров. И вот... результат. Вкусно.

Зачем повара? А вот для того, чтобы добывать как можно больше информации. Хороший повар, из крепостных, стоит до двухсот рублей. Это... Дом в Москве так стоит. Не большой, но достаточный для непритязательной семьи.

Но продавать поваров не буду, тем более, что крепостных не имеем. Кто и был таковым, получил вольную. А вот иметь своего человека на кухне того же Матвеева? А других бояр? А если открыть свою харчевню, типа ресторан? Да тут все обо всех можно узнавать, составлять целые папки компромата и после использовать.

Вон, казалось, что всесильного патриарха Иоакима я скинул. А начиналась наша с ним борьба с компромата на первосвященника.

Игнатом была проведена немалая работа по созданию агентурной сети в той же самой Немецкой слободе. Прекрасно понимаю, что с тех мест может идти и атака на меня, на царя, и такое влияние, от которого будет зависеть будущее всей страны, так как определённые личности были под контролем.

Вот, немного не углядел за Лефортом. Ну не сказать, что он такой уж отъявленный негодяй, за которым нужен был глаз да глаз. Пока я не убыл на войну с турками, этот человек и вовсе почти никак себя не проявлял. Жил себе достаточно активной жизнью, но не рядом с Петром Алексеевичем.

Сейчас-то, конечно, о Лефорте узнаю куда как больше. Как и о Одругих личностях, например, о том же Гордоне — Гордонах, и о Патрике, и Томасе, — я знал, уже отслеживал семейку Монс с их дочуркой-прелестницей.

Нет, действительно, девочка растёт или уже даже слегка и подросла, чтобы понять – огонь будет. Очень красивая, такая, в которую мужики без памяти влюбляются: от природы игривая, открытая, словно бы ещё не познав мужчину, но уже умеющая чувствовать, как соблазнить любого. Талантливая.

Видел я картины с Анной Монс, какая-то она... не очень [*портретов не сохранилось, только уже те, что писались после смерти*]. И нет, я не заглядываюсь, Боже упаси, ребенок же. Но если понимать, что этот ребенок влиял на Петра больше, чем кто-либо из его окружения – факт. И поэтому, маленькая она, или уже взрослеет, – она объект моего пристального внимания.

Впрочем, как и ее отец. Вот Иоганн Монс весьма перспективный, между прочим, бизнес-партнер. Я, кстати, через него и собираюсь ставить ресторан. С одной стороны, чтобы не конкурировать с аустерией Монса, с другой... Да не досуг мне заниматься ресторанным бизнесом. И как он может быть устроен знают только немцы, да и то... Научим, поваров представлю, половых-официантов подготовлю. А потом только прибыль делить будем. Уверен, что заработок будет не меньше чем с немалого поместья.

— Ну так кого в подозрении держишь? – спросил я, когда Игнат, уже с нахмуренным видом, разложив много бумаг на столе, рассматривал свои записи.

— Два голландца, пять цесарцев, один испанец, восемь поляков, — весело перечислял Игнат.

— Ты, наверное, всех поляков сразу записал в шпионы? – усмехнулся я.

— А чего их жалеть, ляхи жа, — пожал плечами Игнат.

— Ты мне это брось. Так мы отвадим всех добрых иноземцев, которые для державы нашей потребны. Доказательства нужны, возможно, слежка, — учил я Игната, который и так без меня всё это знал.

По крайней мере о том, как должна вестись контрразведывательная деятельность, мы с ним неоднократно разговаривали. Я-то в общем понимал эти процессы, а вот Игнат был призван мне указать на некоторые особенности данного времени, поведение людей.

— С чего веселье такое? — спросил я, когда на лице Игната появилась странная улыбка, то ли уставшего человека, то ли уставшего веселиться.

— Так у меня, Егорий Иванович, под четыре сотни доносов. Сосед на соседа лаетя, каждый говорит, что царя нашего хают, да Европу восхваляют, да шпионят. А как спросишь, как же они шпионят-то, так и слов таких не знают, а всё едино на соседа грязь выливают, — сказал Игнат.

— Такова суть человека: оклеветать во благо себе, — философски заметил я.

Ещё долго разбирались с тем рейдом и с той работой, которая проведена в Немецкой слободе, но я пришёл к выводу, что классического понимания шпионов, как таковых, в принципе-то, и нет. Да, есть люди, которые были бы не против кому-то что-то рассказать, но чаще всего эти рассказы, во-первых, лишь на фоне слухов; во-вторых, много тех, кто эти слухи готов продать не какой-то отдельно взятой стране, даже если человек выходит из той державы, а хоть кому-нибудь — главное, чтобы заплатил.

В целом я склоняюсь к тому, что француз был исключением. И вовсе он больше не классический шпион, а подвергся эмоциям. Ему за державу обидно.

Таких, по сути, немало, которые приехали сюда, оставляли семьи или родных у себя на родине и ещё даже не получили никаких указаний, ещё не подхватились правительства тех стран, чтобы хоть как-то реагировать на изменения в России.

Французы — да, все же организованными оказались, а прочие так, оболтусы. Никакой подготовки ни у кого не обнаружено. Специально чтобы кто-то ходил и вынюхивал, собирал сведения, или у кого-то при обыске нашли подозрительные бумаги — тоже этого не было.

Но вот государю нужно будет доложить что-то такое, чтобы обязательно была создана контрразведывательная сеть. Чем больше Россия будет становиться на ноги, тем более она будет интересна для всех соседей — и не только. И если пока мало шпионов, или они непрофессиональны, то не факт, что через год-два ситуация резко не изменится. А мы можем быть неготовыми.

Да еще и мое прогрессорство. Если все будет тут же уходить противнику, или партнеру, то мы проиграем.

Однако подобный рейд был только на пользу. Ведь на самом деле иностранцы здесь живут настолько свободно, вольготно, как они не могут жить даже у себя на родине. Платят им деньги куда как большие, чем они могли бы зарабатывать у себя в родных краях.

Конечно, перебои с зарплатами, с окладами случаются и в России, но в последнее время этого нет. И тут можно, конечно же, сказать слова благодарности Матвееву. Крадёт он деньги казённые или нет, но то, что он наладил в целом работу и что теперь офицеры получают жалование вовремя, — это факт. А это значит, что и остальные бизнесы работают и потребность в питейных заведениях в Слободе есть и в портных... Во всех, если у служащих есть деньги.

Конечно, из полной казны брать деньги и не платить жалование — казалось бы, немудрёное дело. И где же тут заслуга Артамона Сергеевича Матвеева? Но ведь сколько таких примеров в истории, когда с этим государство не справлялось.

— Думать нужно крепко, Игнат, и в том я хотел бы уповать на твою помощь: как нам своих шпионов в иных странах занять. Да не таких сорванцов, которые не имеют доступа к королям, а те, кто расскажет нам о всех планах и умышлениях иноземцев, — задумчиво сказал я.

Легко сказать: нам нужны разведчики, информаторы в правительствах и при дворах других монархов. А вот как это сделать — я ума не приложу.

— Токма через посольства, — развёл руками мудрый дед, хотя ещё и выглядящий молодо-жаво.

Да, я и сам думал о том, что нужно обязательно организовывать посольства. И не такие, как, к примеру, недавно было из Польши или из Священной Римской империи, а с постоянными послами, которые бы не переставая работали в дружественных или просто важных для России странах.

Просто для того, чтобы организовывать посольство, а это стоит очень больших денег, нужно понимать, как оно сможет заработать для страны. Ведь просто содержать дармоедов в той же самой Франции — это проще взять и закопать немало серебряных монет: толку не будет никакого, это как платить буквально ни за что.

— Но силу я свою показал, и то хорошо. Пусть иные задумаются, стоит ли со мной связываться, — сказал я.

Да, в этой операции в Немецкой слободе были задействованы одномоментно пять сотен человек. Причём тех, неучтённых, которые вроде бы как и состоят на службе у государства, но одновременно ни для кого не может быть тайной, что это мои личные люди, моя гвардия.

Вот так, практически незаметно, по большей части даже за государственный счёт, я создал считай, что частную военную компанию. Ведь эти полтысячи — это далеко не все. Вон, выстрелы на полигоне, а на полосе препятствий вновь кричат офицеры, прошедшие уже, так получается, две войны. Это новый набор бойцов.

И ведь ни к одному полку эти люди не привязаны. Оклады получают, причём, из тех денег, которые отводятся на строительство Преображенского. Я даже могу их чинами до подпоручика наделять. Ну а дальше... Нужно будет думать, как правильно все обставить.

В Преображенском строительство почти, за малым, закончилось, а дворец, который возводится для Петра Алексеевича, — это отдельная статья расходов, я даже и не собираюсь влезать в эту стройку.

Вот в этом система дала маху. Мог бы уже Матвеев и сократить финансирование, учитывая то, что и казармы почти построены, и полигоны оборудованы, и тренировочные площадки в наличии есть. В Преображенском одновременно тренируются и занимаются уже пять тысяч человек. И даже частью сам военный городок может прокормиться. Наполовину, но и свинарники есть и стада коров с производством творога и сыворотки, огороды.

В дверь постучали. Тут же, не дождавшись приглашения войти, морда Алексашки с любопытством пролезла в дверную щель, посмотрела, что здесь происходит.

Я стоял рядом с дверью, потому тут же отвесил подзатыльник этому хулигану.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, Александр Данилович, — сказал я, хватая за любопытный нос этого денщика. — Сперва приглашение, опосля твой нос проходит в дверь.

— Пусти, твоё превосходительство! С синим носом куды ж я по девкам пойду! — завопил подросток.

— Какие девки! Ещё раз задерешь сарафан у Параски — штаны приспушу и с голым задом по Москве проведу на верёвке. Ты понял меня? — строго сказал я.

— Так я же ничего... То ж коханое, доброе — сама мне глазами сверкала, — оправдывался он.

— Вот когда она придёт ко мне и скажет, что хочет симпатию с тобой совершить на сеновале, чтобы опосля ты ее бросил с детем, вот тогда я позволю вам быть.

— И сам не дам, и другому не дам, — пробурчал Александр, когда я его все же отпустил. — Успокоить девку хотел. Сохнет, чай, по тебе... Да такая ладная, куда же ей сохнуть — мужика ей доброго надо.

Я акцентированно осмотрел с головы до ног этого самого «доброего мужика». Стоит такой — метр с кепкой, действительно, невысокого роста, щупловатый, хотя я знал, что Александр Данилович весьма жилистый и исполняет физические упражнения не хуже других, порой, и лучше. Но на мужика он пока точно "не тянет". Это если еще и брать в расчёт то, что мужиками нынче зовут лапотных крестьян.

— Ты чего зашёл? — спросил я, наконец отпуская нос проныры.

— Так вы же, ваше превосходительство, сами просили: когда в зале все приказчики ваши — то сообщить вам.

Да, действительно. Пора обсудить сельское хозяйство. Большое дело было сделано, теперь бы все проанализировать, да подумать, как по всей России опыт распространять. Но и не только это...

Глава 5

Усадьба Стрельчиных

13 декабря 1683 года

Эх, не искоренимо воровство в России. Эта борьба с коррупцией, видимо, будет преследовать наше Отечество на протяжении всех веков. Нельзя сдаваться, но... невозможно победить.

И знают же паразиты — приказчики-управляющие мои, смотрят, догадываются, что может и должно произойти. И всё равно хулиганят. И воруют через одного, или даже чаще. И такие есть сюжеты, что мне стыдно, считаю себя сопричастным к преступлениям.

Всего здесь было более двадцати человек. Сейчас у меня в собственности тридцать две деревни, шесть поместий. Не я, а дядька Никанор с Игнатом этим занимались, но с моего посылки, все земли были разбиты на так называемые “хозяйства”. В каждом таком хозяйстве был свой “управляющий”, или старшина.

Дал я таким старшинам определенную волю, но в том, чтобы наладили растениеводство в том виде, как этого я требовал, с теми культурами... И, вроде бы как все отлично — радуйся и снимай сливки с жирного молока, но... Вот... кстати, сепаратор изобрели, но об этом после.

Имеются в наличии у Игната две истории с наглым в край воровством. Имеются и три истории с вопиющим, с одной стороны, пренебрежением своими обязанностями с использованием должностного положения для собственного блага, причём, у всех троих это благо начинается и заканчивается похотью.

— Так там же всё по согласию, кормилец ты наш, — кричал один из приказчиков, Матвейка, прозванный Толстосумом.

Его уже скрутили и выводили из зала заседаний.

Причём, как заколдованное место занимал этот старшина: ещё моя супруга выгнала одного оттуда. Того, который торговал гнилым картофелем и был управляющим одного из поместий, что было куплено мною у Голицыных.

Вот на смену тому вору пришёл другой. Так этот особо не крал — так, по мелочи, наворовал не более ста рублей лишним. Много, но не критично. Отдал бы сто пятьдесят, получил бы тумачков и все... Мне не резон опытными, пусть и вороватыми, приказчиками разбрасываться. Но он же создал целый гарем из крестьянских... Не только молодых женщин, но и откровенно девственниц. И за такое преступление я отдам его в Следственную комиссию.

— В Сибирь со всеми домочадцами, — выдал я вердикт, полагая, что пусть и нужно казнить, но Дальний Восток заселять даже важнее.

В большой комнате, которую я называл залом для совещаний, в момент установилась мёртвая тишина. Наверняка сейчас каждый думает о том, что же он такого натворил и начудил, что, может быть, прямо сейчас возьмут и сошлют в Сибирь.

А почти у каждого было рыльце в пушку. Но я теперь выбирал уже из тех, кто явно обнаглел. Девочек портить не позволю. Воровать? Но если всех воров пересажаю или сошлю в Сибирь, то, с кем же я тогда вообще останусь?

Я грозным своим взглядом окинул всех присутствующих.

— Панкрат Лужанин, — грозно сказал я.

И подумал о том, что тональность моего голоса в данном случае не соответствует тому, что я хочу сказать. И мужчина хоть и молодой, точно до тридцати лет, не стусевался.

Невысокого роста, на вид немного болезненный, но с характером бойца. Несколько горбат, хромал на левую ногу. Между прочим, он пробовал записываться ко мне на воинскую службу, но был проверен и принят как потенциально неплохой управляющий.

Он был готов принять свою участь. В отличие от того приказчика, который до сих пор орёт так, что слышно через закрытое окно, как он милости испрашивая, сопротивляется, с силой садится в телегу, чтобы тут же отправиться в Следственную комиссию, которая взяла на себя функции переправки провинившихся людей — и не только их — в Сибирь.

— Панкрат Лужанин, ты двести рублей получаешь в награду за то, что как мои проверяющие тебя ни проверяли, проступка не нашли. А между тем, ты единственный тут, кто не стоит на прибыли, не получаешь иного серебра, кроме жалования, — сказал я.

Мужчина улыбнулся такой искромётной улыбкой, что мне захотелось увеличить сумму его вознаграждения вдвое. Вот только что был хмурый, чернее тучи, а как улыбнулся, так и сразу убеждаешься, что человек хороший: плохой так ярко не улыбается.

«Стоять на прибыли» — это такое введённое мною понятие. По сути, не что иное, как получать дополнительный доход за свою работу. Если дало поместье прибыль в тысячу рублей, то семь процентов уходит приказчику. Значит, он хорошо сработал, может получить дополнительную оплату своего труда. Считаю, что подобная мера должна изрядно стимулировать. Думал, что искоренит воровство. Но... все же я романтик.

А Панкрат был на испытательном сроке. Но что-то мы его слишком долго считаем испытывали, пять месяцев. Он принял самое недоходное хозяйство, которое я купил у Долгоруких, а те были счастливы расстаться с этой землёй за вполне приемлемую цену. А сейчас не просто вышел почти “ноль” с тем, чтобы на следующий год уже принести прибыль. Он заработал.

— Расскажи, за счёт чего получилось тебе с худого поместья только за один год взять тысячу семьсот рублей? — спросил я, указывая рукой на всё ещё стоявшего и потерявшегося в собственных эмоциях Панкрата.

— Ну, так на картохе подняли. Крахмалу сделали из неё, продали крахмал. Ещё свиной много — кормили картохой. Посадили по твоему заказу, хозяин-кормилец наш, курузы, а после, когда вырос он, куруза та, то зерно собрали, и с него муку сделали. Стало быть, стебли да початки смололи скотине. На то твой брат, дай Бог здоровья ему, помог сладить механизму — зверюху этакую, где ногою давишь, а много ножей и поднимаются, и тут же опускаются. Вот так и помололи курузу, — рассказывал Панкрат.

Ну на самом деле мои приказчики уже всё это слышали. Несколько дней у них был своего рода семинар, где обязаны были делиться своими успехами, наработками, анализировать, что получилось, а что не очень, какие перспективы, что лучше высаживать и так далее.

Более того, потом моя канцелярская служба, сразу из семи писарей, стала фиксировать все эти рассказы. В то же время приказчик, мой старшина в залесской усадьбе, дядька Потап, спрашивал, уточнял что да как у каждого из приказчиков ладится.

Получается, что использовали научный подход. И для себя обязательно возьму лучшие советы. Вот, к примеру, думаю, что и Панкрат в этом мне поможет, и за зиму постараюсь сделать объёмный труд по сельскому хозяйству, где буду приводить и цифры, и, может, даже графики, если пойму, что они будут уместны, сравнительные таблицы.

Получается, что целый научный труд я задумал. Но с этим трудом мне нужно будет подойти к государю, а ещё добиться того, чтобы выступить на Боярской думе. Государственных земель вполне хватает: у самих Романовых, у правящей династии, да и у Нарышкиных сейчас много земель, где, если с грамотным подходом подойти, можно было бы увеличить производительность по самым скромным подсчётам процентов на двадцать пять-тридцать.

— Крупная скотина добре жрёт силос курузный. Посчитал, что удои молока увеличились. Да и молоко жирнее стало, — между тем продолжал докладывать приказчик. — Сепрату...

— Сепаратор, — помог я.

— Вот... его используем. Оттого мало разогреваем коровье, как ты сказывал некогда, да и выходит, что торгуем малом тем, что орехом вкусом. В Новгороде, Калуге, иных городах, распродались, – хвалился старшина.

Вологодское масло, которое так охотно покупали в иной реальности в XIX веке и в Англии, я знал, как производить. Там и секрета особого не было. А вот товар есть, причем из-за того, что сливочное мало не топится, а сильно в печи прогревается, убивая микробов, сохранность его позволяет и до Тулы довести продукт.

— Едят ли селяне картоху? — подражая говору Панкрата, спросил я.

Замялся. Было видно, что приказчик с удовольствием бы сказал, что крестьяне этот овощ едят, но я-то уже знал, что это не так.

И, признаться, даже не понимаю, почему. Работа по популяризации картофеля ведётся. Даже на празднике по случаю сбора урожая, который устроили некоторые из управляющих, который мы назвали “Дожинки”, угощали крестьян картофелем печёным. И вроде бы все ели, по крайней мере, об этом доклад у меня лежит. Но, видимо, очень сложно поменять крестьянский быт, который устоялся веками.

В целом, если бы не пристальное внимание распространению продуктов так называемого “колумбова обмена”, то я почти уверен, что добровольно никто и картошку не сеял бы. А зачем? На самом деле репа даёт очень даже неплохие урожаи. Свиньи репу едят, люди тоже привыкли к ней.

Но я-то знал, что картошка рано или поздно, но всё равно вытеснит репу. А ещё знал, что некоторые нации имели серьёзнейший демографический взрыв благодаря картофелю, так как на малопригодных землях, где пшеницу не посеешь, картошка, как правило, давала очень неплохой урожай.

Например, после насильственного распространения картофеля в Ирландии население страны, подчинённой тогда целиком Англии, выросло даже не в два раза, а на порядок. Правда, у них случился голод, когда какая-то зараза напала на картошку. Но у нас-то диверсификация будет. И другие культуры растим, используя севооборот.

Так что секрет заключается всё в том, чтобы разнообразить сельскохозяйственные культуры. Если не будет урожая ржи — то хотя бы не случится голод, так как картошка, скорее всего, уродит. И наоборот.

Думать о потенциальном голоде приходится, хотя всё же хотелось бы получить все свои хозяйства в высокотоварное производство.

— Что по мёду и воску? — спросил я.

Панкрат уже присел, доволен, ловя на себе завистливые взгляды других управляющих. А я поднимал ещё один важнейший элемент нашего сельского хозяйства.

— Дозволишь ли ты мне, граф, доложить тебе? — спросил дядька Потап.

Да, именно ему я поручил собрать все сведения со всех поместий, чтобы сложилась общая картина товарного производства мёда и пчелиных продуктов. Ну и он же следил за работой нашей свечной мануфактуры.

— Всего на всех землях чуть менее двух тысяч ульев стоит, — начал говорить Потап.

Этот приказчик достался мне после того, как я прикупил землю в ста верстах севернее от Москвы. Не самая лучшая там земля, но, на удивление, и поместье, купленное у Шереметьевых, которое обошлось мне недёшево, все же приносило доход.

Думал, почему на плохих землях, да ещё практически большую часть поместья составлял лес, но при этом доходность была на высоте, словно бы земли эти находились где-нибудь на чернозёмах Курска.

А всё дело в рачительности и хорошей организации. Так что я, не мудрствуя лукаво, поставил Потапа своего рода управляющим, выразителем моей воли и всей той системы хозяйствования, которую я собирался привносить.

И не прогадал. У мужика, которому было уже сорок шесть лет — возраст, считавшийся здесь весьма зрелым, — оказалась ещё живой жилка администратора. И он, на удивление, лихо справляется со всеми своими обязанностями, порой даже разъезжает по поместьям, курирует, проверяет, помогает Игнату собирать сведения на нерадивых приказчиках.

И что ещё удивительно: если Игната ненавидят, считают, что его приезд или приезд его людей — это всегда к горю и беде, то Потапа считали своим человеком в среде старшин. Правда, как я читал в докладе, некоторых он прикрывал, не стал развивать скандалы по эпизодам хищения. Но я решил, что пусть будет так. Тем более, что якобы добровольно, но ответственные люди вернули в мою казну недостающее и украденное ранее ими.

Поговорили ещё и о том, как хороши новые косы, сколько нужно каждому христианскому двору топоров и двуручных пил. Выявили, что если каждому крестьянскому хозяйству выдать всё необходимое, то через два года это крестьянское хозяйство будет в долгах. Покупка дорого обойдется.

Так что проблемы, конечно, были, и их умалчивать никак было нельзя. Но при этом я уже настраивался на серьёзную работу, чтобы составить большой, объёмнейший труд по сельскому хозяйству.

Если новый патриарх мне показался договороспособным и таким является; если бояре послушают и, может, даже из зависти, но большую часть того, что я сделал на своих землях, внедрят и на собственных плантациях — России от этого только в прибыль.

Совещание закончилось. Приказчики уже готовились разъезжаться по поместьям, когда меня вызвала к себе с докладом Боярская дума.

И что это будет за доклад — никто не предупредил. А так как я не знаю, о чём говорить и о чём вообще будут спрашивать, то определенная тревога поселилась внутри.

* * *

Окрестности Вены.

13 декабря 1683 года.

Кара Мустафа Паша с ненавистью смотрел на русских переговорщиков.

"Коварные", "лживые" — это были ещё вполне употребляемые слова, которые проносились в голове османского визиря.

А были и такие, которые уж точно не пристало говорить ни одному порядочному человеку, вне зависимости от вероисповедания.

Несмотря на то, что сам себе визирь признавался, что русские ведут себя ровным счётом так, как и он бы сам с удовольствием поступал, всё равно эти северные гяуры — подлые, ничтожные и всякое разное, потому что смогли использовать ситуацию себе во благо с максимальной эффективностью.

— Что вам здесь нужно? Если вы хотите поднять вопрос Крыма, почему об этом не скажете? Зачем сражаетесь за тех, кто был бы готов сам войной идти на вас? — хриплым голосом уставшего человека, где-то даже болезненным, ибо ведь визирь получил под Веной ранение в руку, говорил Мустафа Кара Паша.

В поле, в полуверсте от ближайших русских позиций начались переговоры между турецким визирем и командованием русской армии. Турки запросили такой формат. И, конечно же, Патрик Гордон не мог на это не согласиться.

Здесь же, рядом с генерал-лейтенантом Гордоном, находился генерал-майор Глебов. Визирь взял с собой куда как больше людей, но формат два на два всё-таки второй человек в Османской империи принял. Вынуждено.

А он бы сейчас всё принял, или почти всё. Присутствие русских, которых, по всей видимости, не так-то легко будет сковырнуть из этого леса, да ещё и которые имеют возможность поражать османов на расстоянии, когда ещё никто не думает об атаке, — это та неприятность, которая, по мнению визиря, конечно же, не лишит его победы, но сильно усложнит дальнейшие

действия. Много поляжет османских воинов. А их и без того уже полегло от той численности турецких воинов, которые вторгались на территорию Венгрии и дальше Австрии больше трети.

— Мы здесь выполняем союзнический долг и, как христиане, всеми силами будем стараться не допустить мусульман на нашей земле, — сказал Патрик Гордон.

— Я знаю, где ваши земли находятся. И они не здесь. Или ты, немец, решаешь, за кого воевать? Русский царь ещё молод, чтобы принимать достойные решения? — говорил визирь.

Тут же Глебов, как только переводчик перевёл слова Кара Мустафы Паши, схватился за эфес своей кавалерийской сабли. Не понравилось русскому генерал-майору то, как говорил о царе турецкий визирь. Османский офицер, который пришёл с визирем, проделал тот же манёвр и даже стал извлекать из ножен ятаган.

Правда, визирь тут же положил свою ладонь на ятаган телохранителя. И посмотрел презрительным взглядом на Глебова.

— Раньше, когда русские выходили на переговоры, они вели себя всегда достойным образом, — сказал визирь.

— Никто не смеет неуважительно говорить о моём государе, — сказал Глебов, отпуская эфес сабли и даже подняв руки ладонями вперёд, демонстрируя, что ничего в руках нет.

— Уважаемый визирь, может, мы перейдём к делу, — явно растерявшись, как нужно обращаться к человеку, занимающему высокое положение в огромной империи, говорил Гордон.

— Я предлагаю вам рассмотреть вопрос о мирном соглашении между нашими странами, — неожиданно для представителей русской армии прозвучало заявление.

— Но я не уполномочен, — посмотрев на Глебова, скорее всего, ожидая от него поддержки, пожал плечами Гордон.

— Потому я и предлагаю вам переговоры в будущем, и они могут состояться не сегодня, если вы не принимаете решения. Думаю, что Яссы вполне подойдут для встречи тех, кто может принимать решения от имени вашего государя. Два месяца у вас будет, чтобы собрать необходимую делегацию. А пока переговоров не будет, конечно же, мы должны с вами прекратить любые столкновения, — сказал визирь.

Гордон явно растерялся. На самом деле, после того, как османы, пусть не считаясь с потерями, но смогли вновь забрать себе Вену, нахождение русского корпуса рядом с городом стало не только бессмысленным, но и отчаянно опасным.

И уже было принято решение, чтобы частично возвращаться на русский форпост, но отчасти даже уходить в Венгрию и дальше через Польшу в русские земли. И нет, подобные решения были приняты не столько главами русского командования или Гордоном. Они были продиктованы союзниками. Когда от твоих услуг всеми силами отказываются, сложно продолжать навязывать помощь.

— Я знаю, сколь ревностно отнёсся император Римский к тому, что вы были в его столице, что он напрямую не обвиняет, но говорит своим вельможам, что вы ограбили Вену не меньше, чем это сделал я. Знаю, что он отправляет вас обратно в свою варварскую страну, а вы почему-то не хотите уходить, и для него это большая проблема, — говорил визирь.

Не всё из сказанного Гордон посчитал за правду. Он полагал, что австрийцы и в целом христианский мир должны быть довольны и благодарны тем, как воюют за общие христианские интересы русские воины, ведомые, конечно же, шотландцем.

А вот Глебов был практически уверен, что визирь ещё сглаживает углы. Не было ни одного австрийского офицера, с которым пришлось взаимодействовать и который относился бы к русским хоть с какой-то толикой уважения. Ну только что Евгений Савойский и те офицеры, которые были связаны с этим австрийским генералом.

Да, они прямо это говорили. Сам Глебов, не до конца понимая необходимость дуэлей, чуть было не вызвал на поединок одного из австрийских офицеров. Мол, русские — такие же

оккупанты, также забирают ремесленных людей, грабят города, но они чуть менее злые, чем османы. Поэтому присутствие русских вынужденное, но оно недружественное, и как только разберутся с османами, то... войны и с Россией. Так говорили.

— Видите, вы сами всё знаете. Так почему бы не заключить договор с нами? Мы отдадим вам Крым, а вот прибрежные крепости на Чёрном море придётся вам отдать нам обратно. Мы даже отдадим Азов. Разве это не щедрое предложение? Разве могли бы вы хотя бы ещё вчера надеяться на это? — сказал визирь.

И он был абсолютно уверен, что на такие призы, подарки русские обязательно купятся. Конечно, переговоры будут максимально затягиваться, и официально Крым русским признавать никто не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.